

— Зачем ты полез в море?

Лингуан резко рванул Е Линя к себе. Тот, несмотря на всю свою устойчивость, послушно подался вперед, едва не потеряв равновесие.

Спиной Лингуан прижимался к стволу; жесткая, шершавая кора неприятно колола кожу сквозь одежду. Он упрямо вскинул голову, его челюсти были крепко сжаты, а линия подбородка напряжена.

— Рыбу ловить, — без колебаний ответил Е Линь.

При воспоминании о гигантском спруте, которого он придушил и которого Лингуан затем спалил дотла своим пламенем, у Е Линя невольно пересохло в горле. Он голодно сглотнул и провел кончиком языка по зубам.

— Но ты его уничтожил.

В его голосе проскользнули обиженные нотки. Осознав что-то, он спросил в ответ:

— А сам-то зачем туда пошел?

— Спросить меня решил? — Лингуан злорадно усмехнулся. Исказившая его красивое лицо улыбка казалась фальшивой и хищной. Не церемонясь, он больно ухватил Е Линя за ухо и притянул еще ближе: — Ты действительно бессмертным себя возомнил?

— До сих пор не могу взять в толк, чего ты добиваешься.

Е Линь даже не поморщился. Он лишь послушно склонил голову, его дыхание оставалось идеально ровным.

— Хочу, чтобы мы были вдвоем, — последовал мгновенный ответ.

— Только ты и я.

Всё те же слова, что и прежде.

После этого Е Линь действительно запер его в крошечной хижине, формально объявив своим узником.

Разумеется, Лингуан не доверял ему ни на йоту.

Однако он был готов к любому исходу. Даже если бы надзиратель решил применить силу, Лингуан знал: у него достаточно могущества, чтобы защитить себя и отразить любой удар.

Но у Е Линя, похоже, и в мыслях не было ничего дурного.

Тогда Лингуан изучающе оглядел его с ног до головы. Шагнув ближе, он обхватил ладонями бледное лицо Е Линя, заставляя смотреть прямо на себя. После недолгого молчания губы его дрогнули в улыбке:

— Быть вместе со мной?

— И как же ты это себе представляешь?

Е Линь не знал, что ответить. Вместо слов он просто сделал шаг вперед, наваливаясь всем телом и прижимая Лингуана к стволу. Его широкие ладони легли на чужую талию, почти обнимая. В этот миг между ними не осталось свободного пространства — они стояли вплотную.

Лингуану пришлось закинуть голову, чтобы поймать его взгляд.

— Ты связан с Внешними богами? — тихо спросил он.

Е Линь промолчал. В его глазах на мгновение отразилось абсолютное недоумение.

Немного подумав, он ответил вопросом на вопрос:

— Тебе больше нравятся Внешние боги?

— Отнюдь. Просто один из них бесследно исчез на твоей территории. Поделишься зацепкой? — Лингуан мягко улыбнулся, но взгляд его оставался пронзительным и испытующим.

Е Линь запнулся, явно не зная, стоит ли говорить.

[Э-э-м... Хозяин, он ведь говорит о том мелком божке, которого вы силой заставили драить полы?] — подала голос Система.

"Он тоже хочет, чтобы тот у него убирался?" — спросил Е Линь у Системы. И тут же с сожалением мысленно добавил: "Знать бы раньше, я бы его не уничтожал"

"А если тот уже сдох? Поймать ему другого?"

Система замялась:

[Ой, ну... с этим могут возникнуть трудности...]

Когда его Хозяин ворвался в этот мир, он наделал столько шума, что Внешние боги в панике бросились врассыпную. Те, кто обладал хоть какими-то силами, давно сбежали в другие измерения.

«Убираться?» — Лингуан невольно скривился. Кому вообще придет в голову ловить божество ради мытья полов?

Будь он на месте этого несчастного Внешнего бога, он бы уже давно лишился рассудка от такого унижения.

Будучи воплощениями скверны, безумия и хаоса, невидимыми и неслышимыми для простых смертных, эти сущности подчинялись строгой иерархии: глубина их проникновения в миры зависела от уровня опасности. На Инхо, к примеру, допускались лишь слабейшие из них, тогда как на Главной планете расы Яо ограничения были мягче.

Но каков бы ни был их ранг, они оставались созданиями первозданного безумия. Даже Лингуану приходилось держать ухо востро. Встреть ему один из них — и яростной схватки было бы не избежать.

Впрочем, после этого нелепого мысленного диалога подозрения Лингуана рассеялись.

В этот момент Е Линь шевельнулся.

Склонив голову, он доверчиво прижался щекой к виску Лингуана. Их волосы перепутались, щекоча шею. В этом мягком, почти нежном жесте сквозила странная, едва уловимая грусть. Голос Е Линя прозвучал глухо, но предельно серьезно:

— Я поймаю тебе другого.

— Возмещу ущерб.

— Возместишь? — Лингуан не сдержал резкого смешка. Отстранившись, чтобы избежать излишней близости, он насмешливо прищурился: — И что же ты мне возместишь? Разве ты мне что-то должен?

— Ну и ненормальный же ты.

Схватив Е Линя за волосы, он с размаху боднул его лбом в лоб.

Раздался глухой стук. Е Линь даже не шелохнулся, а вот лоб Лингуана мгновенно покраснел. Шикнув от боли, он отпрянул. Дыхание перехватило, на бледной, напряженной шее отчетливо проступил кадык.

Однако резкая вспышка боли лишь прояснила разум. Справившись с резами в голове, Лингуан тихо, зловеще рассмеялся. Его раскосые глаза сузились, приняв лукавое, почти жестокое выражение:

— Свяжись ты не с тем человеком, тебя бы уже давно скормили псам.

Хотя... он ведь уже вляпался.

Как это назвать — святой наивностью или непроходимой глупостью?

Редкое невезение.

— Стоило мне обмолвиться, и ты уже готов лезть на рожон. Тебе жизнь не мила? — Лингуан с силой сжал в кулаке его пряди, вымещая злость, и язвительно добавил: — Ах, прости, я и забыл. Я ведь уже вскрывал тебе горло. Ты ведь уже умирал от моих рук.

— Тебе и впрямь неведом страх смерти.

— Да и кто ты вообще такой? Ты ведь даже на человека не похож.

Любому человеку присущ инстинкт самосохранения — каждый стремится уцелеть. Но сейчас, когда они стояли нос к носу, в бездонно-черных, спокойных глазах Е Линя не отражалось ни капли страха. Ни обиды, ни злости на издевки — лишь пугающее, абсолютное умиротворение.

«Он не человек», — внезапно промелькнула отчетливая мысль в сознании Лингуана.

Лингуан положил ладонь ему на грудь. Сердце под пальцами билось — ровно, размеренно. Теплое дыхание Е Линя касалось его губ.

Если не считать этой мертвенной, пугающей бледности, перед ним стоял самый обычный живой человек.

Е Линь даже не шелохнулся. Он продолжал крепко держать Лингуана, безропотно снося всю

его желчь, и глухо произнес:

— Я не умру.

— Я могу умирать сколько угодно.

В его распоряжении было множество карт персонажей.

Он напоминал моллюска, прячущегося в чужой раковине: пока цел внешний панцирь, ядро в безопасности. Если раковина расколется, он просто сменит её на новую.

Насмешки Лингуана его не ранили.

Е Линь, безжалостный босс из «Апокалиптического побега», прославился своей абсолютной беспощадностью. На заре своего существования, будучи еще слепым орудием, он уничтожил собственного создателя и воцарился на руинах гибнущего мира.

Лишенный эмоций, не ведающий ни радости, ни скорби, он шел по тропе кровавой жатвы подобно отлаженному механизму.

Таким его создали разработчики, таким его знала Система.

— Многие осыпали меня проклятиями, — внезапно заговорил Е Линь. Поглаживая крепкую, податливую талию Лингуана, он пытался осмыслить услышанное. Он не до конца улавливал скрытые мотивы собеседника, восприняв его слова буквально — как тревогу за чужую жизнь.

Поэтому он решил объяснить:

— Они желали мне сгнить в преисподней. Ненавидели за то, что я выжил в тех лабораториях.

— Но я бессмертен, — ресницы Е Линя едва заметно дрогнули. В этот миг он походил на растерянного ребенка, столкнувшегося с неразрешимой загадкой. Он продолжил все тем же ровным, отрешенным тоном: — Их проклятия пусты. Их ненависть не способна причинить мне вреда.

— Ты не такой, как они. Не нужно бояться, что я исчезну.

Словно желая доказать свои слова, Е Линь взял ладонь Лингуана и прижал её к собственному лбу.

Лингуан ошеломленно замер. Завороженный этой внезапной лаской, он даже не заметил, что

дыхание Е Линя замерло в тот самый миг, когда вдохнул он сам.

Он мог лишь безотрывно смотреть на него и слушать тихий голос:

— Я — дитя запретных технологий. Моя уязвимость скрыта здесь, — Е Линь слегка прикрыл глаза, демонстрируя абсолютную покорность. — Хочешь вырвать её?

В его взгляде сквозила пугающая, обезоруживающая искренность.

<http://bllate.org/book/20308/2172408>